

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием: представителя заявителя М. – адвоката Т. (регистрационный номер в реестре адвокатов М. области ..., удостоверение № ..., выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Московской области 06 ноября 2015 года, ордер от 08 августа 2021 года № ..., выданный Московской коллегией адвокатов «...»), представителя заявителя К. – адвоката П. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов М. области, удостоверение № ... выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по М. области 23 декабря 2002 года, ордер от 10 августа 2021 года № ..., выданный филиалом № ... М. областной коллегии адвокатов), представителя заявителя А. – адвоката Ф. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы, удостоверение № ... выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве 21 августа 2017 года, ордер от 13 августа 2021 года № ..., выданный Коллегией адвокатов «...»), адвоката Л., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам К. от 24 июня 2021 года (вх. № ... от 24.06.2021), А. от 24 июня 2021 года (вх. № ... от 28 июня 2021 года), Ч. от 25 мая 2021 года (вх. № ... от 30.06.2021) и М. от 10 сентября 2021 года (вх. № ... от 16.09.2021) в отношении адвоката Л. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 02 февраля 2022 года адвокатом Л. совершены:

- нарушение взаимосвязанных положений пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (*«адвокат обязан соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятые в пределах их компетенции»*) и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«участвуя в судопроизводстве...адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства»*), выразившееся во вступлении адвоката Л. в уголовное дело № ... в качестве защитника М., А. и К. в нарушение ч. 1 ст. 50 УПК РФ, устанавливающей, что защитник

приглашается подозреваемым, обвиняемым его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого, и п. 5 Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 июня 2019 года № 12 по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», устанавливающей, что адвокат, заключивший соглашение об оказании юридической помощи – защите по уголовному делу – в пользу третьего лица, перед началом оказания юридической помощи обязан получить согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь;

- нарушение положений пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей с использованием личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными методами»*), выразившееся в навязывании заявителям М., А. и К. своей помощи через демонстрацию своих личных связей со следователем, оказывавшим адвокату Л. очевидное содействие в организации его встреч с обвиняемыми М., А. и К. в следственных кабинетах следственного изолятора, тогда как в ноябре-декабре 2020 года, с учетом пандемических карантинных ограничений, возможность адвоката встретиться с находящимися под стражей доверителями имелась исключительно в помещениях для краткосрочных свиданий, через стекло и при помощи телефонной трубки;

- неисполнение, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«адвокат обязан...разумно, добросовестно, квалифицированно и своевременно исполнять свои профессиональные обязанности»*), а также ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«участвуя в судопроизводстве...адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства»*) профессиональных обязанностей перед доверителем Ч., выразившееся в самоустранении адвоката Л. от предусмотренных ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ действий по выяснению волеизъявления содержащегося под стражей обвиняемого Ле. в части наличия согласия последнего на участие адвоката Л. в уголовном деле № ... в качестве защитника Ле. в связи с заключенным с адвокатом Л. третьим лицом (Ч.) Соглашением № ... от 01 ноября 2020 года об оказании, в том числе Л. юридической помощи в период действия данного соглашения с 01 ноября 2020 года по 27 января 2021 года;

- нарушение пунктов 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в том, что, не приступив к оказанию юридической помощи обвиняемым М., А., К. и Ле. по заключенному с Ч. Соглашению об оказании юридической помощи № ... от 01 ноября 2020 года, он не позднее 27 января 2021 года убедил доверителя Ч. в необходимости подписания «Акта приема-передачи *«оказанных услуг»* к Соглашению об оказании юридической

помощи № ... от 01 ноября 2020 года» без даты, в котором изложил заведомо ложные сведения об оказании им «надлежащим образом» юридической помощи «в виде осуществления представительских полномочий, защиты прав и законных интересов Подзащитных в рамках уголовного дела на сумму 2 260 000 (два миллиона двести шестьдесят тысяч) условных единиц (евро) по курсу ЦБ РФ в рублях»;

- ненадлежащее, вопреки предписаниям взаимосвязанных положений пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Ч., выразившееся во включении в п. 1 Приложения № 1 к Соглашению об оказании юридической помощи № ... от 01 ноября 2020 года с Ч. самостоятельного обязательства обжаловать «в апелляционной инстанции избранной в отношении Подзащитного меры пресечения в виде заключения под стражу, с целью изменения меры пресечения на домашний арест», допускающего его неоднозначное понимание доверителем и направленное на формирование у доверителя понимания о наличии со стороны адвоката обещания положительного результата выполнения поручения в указанной части.

В том же Заключении Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Л. по жалобе Ч. от 25 мая 2021 года (вх. № ... от 30.06.2021), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Л. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Заявитель Ч., извещенная надлежащим образом, в заседание Совета не явилась, правом на участие ее представителя в рассмотрении настоящего дисциплинарного дела не воспользовалась.

Заявители К., М., А., извещенные надлежащим образом, в заседание не явились, воспользовались правом на участие их представителей в заседании Совета.

Руководствуясь положениями пункта 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело при имеющейся явке.

Представители заявителей: М. – адвокат Т., К. – адвокат П., А. – адвокат Ф. в заседании Совета подтвердили своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление и согласие с ним. Указали, что оценка их доверителями действий адвоката Л. как несовместимых со статусом адвоката не изменилась.

Адвокат Л. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, поддержал свои письменные возражения.

Ранее в Адвокатскую палату города Москвы от адвоката Л. поступило «Возражение» от 18.03.2022 с приложением ряда документов (вх. № ... от

18.03.2022), в котором он просит прекратить дисциплинарное производство, а в случае применения в отношении него мер дисциплинарной ответственности не применять наиболее строгую из них, учесть стаж его адвокатской деятельности и профессиональные заслуги. Признает ошибки, допущенные им в работе по оформлению документов с доверителем, объясняя их «крайне сжатыми» сроками начала оказания юридической помощи, а также предстоящим выездом Ч. за пределы России.

Кроме того, в своём «Возражении» адвокат Л. высказывает мнение о том, что выводы Квалификационной комиссии, изложенные в её Заключении, противоречивы, а его собственным доводам не дана оценка и не опровергнута презумпция его добросовестности. В частности, по его мнению:

- отсутствовал допустимый повод для возбуждения дисциплинарного производства, поскольку М., А. и К. не имели статуса его доверителей;

- у него отсутствовала возможность самостоятельного (без разрешения и участия следователя) посещения М., А. и К. в СИЗО и, тем более, определения способа и порядка осуществления таких встреч;

- вывод о навязывании им юридической помощи необъективен и не соответствует действительности. В ходе его посещений М., А. и К. они не выразили однозначно и письменно свой отказ от его юридической помощи, не подали соответствующие заявления следователю или начальнику СИЗО. Поэтому самоустраниться он не мог;

- в условиях введения в системе ФСИН РФ противоэпидемических режимных мероприятий он действовал строго в соответствии с ними, используя средства индивидуальной защиты, что позволяло проводить свидания в СИЗО в обычных следственных кабинетах;

- от оказания юридической помощи обвиняемому Ле. он не устранился, поскольку мог оказать её позднее, а от самого Ле. жалобы на него в Адвокатскую палату города Москвы не поступали;

- в ходе дисциплинарного производства не было получено достаточных подтверждений доводов жалоб заявителей о склонении их к самооговору, а также доказательств осуществления защиты без согласия обвиняемых;

- приобщенные к материалам дисциплинарного производства проекты жалоб свидетельствуют о его (адвоката Л.) разумности и добросовестности при исполнении обязанностей по заключенному соглашению;

- содержащиеся в приложении к соглашению формулировки о подаче апелляционной жалобы с целью изменения меры пресечения на домашний арест оценены неверно, они не свидетельствуют о гарантиях положительного исхода дела;

- заключенное им с Ч. соглашение было расторгнуто только 14.02.2022, после чего им были переведены в её адрес ранее полученные денежные средства;

- дисциплинарное производство следует прекратить по причине пропуска подлежащего применению шестимесячного срока, предусмотренного в прежней редакции абз. 1 п. 5 ст. 18 КПЭА и распространяющегося на события, на которые ссылается заявитель Ч.;

- Квалификационная комиссия вышла за пределы своих полномочий, поскольку в жалобе заявителя Ч. не было дисциплинарного обвинения, касающегося подписания акта приемки выполненных работ и включения в пункт 1 приложения №1 к соглашению об оказании юридической помощи целевой установки, допускающей ее неоднозначное понимание как обещания положительного результата.

Отвечая на вопросы членов Совета, адвокат Л. пояснил, что его каждый раз пропускали в СИЗО только одетого в медицинский костюм, маску, головной убор, бахилы и перчатки. При этом заявление начальнику СИЗО о разрешении в порядке исключения свидания в следственном кабинете он не писал. Обвиняемого Ле. он не успел посетить в СИЗО, но не считает это нарушением, так как не было четкого указания и ограничения сроков этого действия. С его (адвоката Л.) участием были подготовлены и переданы адвокату Фи. для согласования с обвиняемыми проекты четырех апелляционных жалоб, из которых две не были согласованы, а две адвоката Л. попросили подать; из них только одна подана от его имени, а вторая – от другого адвоката.

Совет, рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства и Заключение Квалификационной комиссии, выслушав явившихся участников, признаёт обстоятельства дела правильно и полно установленными Комиссией, однако считает необходимым изменить ряд её выводов относительно объёма дисциплинарных обвинений. Приходя к такому выводу, Совет исходит из следующего.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что в октябре 2020 года следователями СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве были привлечены к уголовной ответственности М., А., К. и Ле., им было предъявлено обвинение по ч. 3 ст. 30 п. «е», «ж» ч. 2 ст. 105 и ч. 2 ст. 167 УК РФ и избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

01 ноября 2020 года заявитель Ч. заключила с адвокатом Л. Соглашение об оказании юридической помощи № ..., в соответствии с Приложением № 2 к которому адвокат Л. принял на себя осуществление защиты *«прав и законных интересов в рамках уголовного дела на стадии предварительного расследования и судебного производства»* указанных лиц. Приложением № 1 к Соглашению был предусмотрен *«порядок оплаты юридических услуг»* адвоката Л., согласно которому в день подписания соглашения Ч. должна оплатить адвокату Л. 2 260 000 условных единиц (Евро) по курсу ЦБ РФ в рублях. Данное вознаграждение подлежало выплате адвокату Л. за защиту *«прав и законных интересов Подзащитных (согласно Списку, указанному в Приложении № 2) в рамках уголовного дела на стадии предварительного расследования, в том числе обжалование в апелляционной инстанции избранной в отношении Подзащитного меры пресечения в виде заключения под стражу, с целью изменения меры пресечения на домашний арест»*. В соответствии с п. 2 Приложения № 1 к тому же Соглашению Ч. приняла обязательство по оплате адвокату Л. в срок до 01 февраля 2021 года 1 130 000 условных единиц (Евро) по курсу ЦБ РФ в рублях. Согласно п. 3 Приложения

№ 1 Ч. должна была оплатить адвокату Л. в срок до 01 августа 2021 года в качестве вознаграждения 1 110 000 условных единиц (Евро) по курсу ЦБ РФ.

01 ноября 2020 года адвокатом Л. в адрес Ч. был выставлен счет № ... на оплату оказания юридической помощи на сумму 209 343 800 рублей. 05 ноября 2020 года Ч. перечислила 52 000 000 рублей адвокату Л., затем ещё 109 343 800 рублей, а также лично передала ему 48 000 000 рублей наличными средствами, что подтверждено распиской от 05 ноября 2020 года, содержащей подписи адвоката Л. и заявителя Ч.

В период с 01 ноября 2020 года по 15 декабря 2020 года адвокат Л. несколько раз посетил М., А. и К. в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве, каждый раз совместно со следователем Н. Для посещения указанных лиц в условиях СИЗО адвокатом Л. 01 ноября 2020 года были представлены три ордера: № ..., ... и ..., согласно которым ему поручалось посетить в СИЗО соответственно А., М. и К. «для заключения соглашения». В ходе посещений М., А. и К. не согласились на участие адвоката Л. в уголовном деле в качестве их защитника.

Несмотря на это, адвокат Л. вступил в дело как защитник М., А., К. и Ле., и представил следователю четыре ордера, в которых указывалось на принятие им поручения на защиту перечисленных лиц. 06 ноября 2020 года адвокатом Л. в защиту М. была подана апелляционная жалоба на постановление Х. районного суда города Москвы от 05 ноября 2020 года о продлении срока содержания под стражей. К апелляционной жалобе был приложен ордер от 06 ноября 2020 года № ..., в соответствии с которым адвокату Л. поручается на основании заключенного соглашения «защита М. в Московском гор. суде (апелляционная жалоба)».

В ходе дисциплинарного разбирательства (в том числе в заседании Совета) адвокат Л. пояснил, что всего им были подготовлены проекты четырёх апелляционных жалоб, но поданы в Московский городской суд были только две жалобы: одна от его имени в защиту М., а вторая - в защиту А. от имени адвоката Ла., но по поручению адвоката Л.

Сведений о совершении адвокатом Л. каких-либо иных действий в интересах М., А., К. и Ле. во исполнение Соглашения об оказании юридической помощи от 01 ноября 2020 года № ..., заключенного с Ч., в материалы дисциплинарного производства не представлено.

27 января 2021 года заявителем Ч. было направлено в адрес адвоката Л. уведомление о расторжении Соглашения об оказании юридической помощи от 01 ноября 2020 года № ... с указанием, что адвокат Л. условия соглашения не выполнил, защиту интересов подзащитных «в должном объеме, как было оговорено нами ранее», не осуществил. Однако, по мнению Совета, Ч. не представила достаточных доказательств того, что её заявление о расторжении данного Соглашения с адвокатом Л. было им получено.

Установлено также, что в период с 01 ноября 2020 года по 27 января 2021 года между адвокатом Л. и его доверителем Ч. был подписан акт (без даты) приема-передачи оказанных услуг к Соглашению об оказании юридической помощи от 01 ноября 2020 года № ..., в соответствии с пунктом

1 которого Доверитель признает, что Адвокат оказал надлежащим образом юридическую помощь «в виде осуществления представительских полномочий, защиты прав и законных интересов Подзащитных в рамках уголовного дела на сумму 2 260 000 условных единиц (Евро)». В пункте 2 указанного документа было записано признание Доверителем, что Адвокат оказал юридические «услуги» своевременно, надлежащим образом и в полном объеме.

В последующем, как это следует из представленных в дисциплинарном деле материалов, представитель заявителя Ч. по доверенности - адвокат Фи. по её поручению 14 февраля 2022 года подписал с адвокатом Л. соглашение о расторжении Соглашения об оказании юридической помощи от 01 ноября 2020 года № ... и получил от адвоката Л. денежные средства для передачи Ч.

Совет полагает значимым для настоящего дисциплинарного разбирательства факт отказа обвиняемых М., А., К. в даче согласия адвокату Л. на его участие в уголовном деле в качестве их защитника. Этот факт предопределял необходимость расторжения заключенного адвокатом Л. с Ч. соглашения об осуществлении защиты указанных лиц, как это предусмотрено пунктом 8 Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы № 12 по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (Утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 года Протокол № 8).

Достоверно известный адвокату Л. после его посещения в СИЗО М., А. и К. факт отсутствия согласия указанных лиц на его участие в уголовном деле в качестве их защитника безоговорочно обязывал адвоката Л. отказаться от совершения каких-либо действий, направленных как на вступление в дело в этом качестве, так и на оказание указанным лицам иной юридической помощи. Однако адвокат Л. от исполнения этой обязанности уклонился.

Совет отклоняет как заведомо несостоятельный и не основанный на законе довод адвоката Л. об отсутствии письменных заявлений М., А. и К. об отказе от его юридической помощи, поскольку именно он был обязан получить письменное согласие указанных лиц на их защиту, а вовсе не они были обязаны подавать какие-либо заявления о своём отношении к его инициативам по оказанию им юридической помощи.

Совет также отклоняет как несостоятельный довод адвоката Л., утверждающего в письменных возражениях от 18.03.2022, что заявители М., А. и К. не были его доверителями в смысле ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката. В Заключении Квалификационной комиссии (с.с.36-38) изложены достаточные обоснования обратного вывода, с которыми Совет полностью соглашается.

Таким образом, адвокат Л. нарушил взаимосвязанные положения пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (*адвокат обязан соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятые в пределах их компетенции*) и ч. 1

ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (*участвуя в судопроизводстве...адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства*). Это нарушение выразилось во вступлении адвоката Л. в уголовное дело № ... в качестве защитника М., А. и К. в нарушение ч. 1 ст. 50 УПК РФ, устанавливающей, что защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого, и в нарушение п. 5 Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 июня 2019 года № 12 по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», устанавливающего, что по общему правилу адвокат, заключивший соглашение об оказании юридической помощи – защите по уголовному делу – в пользу третьего лица, перед началом оказания юридической помощи обязан получить согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь.

Кроме того, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает, что адвокатом Л. нарушен пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей с использованием личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными методами.

Заявители М., А. и К. последовательно и аргументированно утверждают, что адвокат Л. в ходе встреч с ними в СИЗО склонял их к самооговору и оговору иных лиц, а также к заключению досудебного соглашения о сотрудничестве, гарантируя при согласии позитивные последствия в виде освобождения из-под стражи. При этом адвокату Л. было достоверно известно о том, что М., А. и К. не признают свою вину и утверждают о непричастности к каким-либо преступлениям. Заявители также подчеркивают, что они были удивлены появлением адвоката Л. в СИЗО в сопровождении следователя Н., оказывавшего адвокату Л. очевидное содействие в организации свиданий с ними, в том числе и в условиях отдельного следственного кабинета, тогда как по причине противоэпидемиологических ограничений возможность их встреч с другими адвокатами имела исключительность в общих помещениях для краткосрочных свиданий, то есть в присутствии других лиц, через разделительное стекло и при помощи телефонной трубки.

В этой связи Совет отклоняет довод адвоката Л., содержащийся в его «Возражении» от 18.03.2022, где он утверждает, что действовал в соответствии с постановлением Главного государственного санитарного врача ФСИН РФ от 27 апреля 2020 года № 345, используя средства индивидуальной защиты, что позволяло ему проводить свидания в СИЗО в следственных кабинетах. На самом деле, согласно данному постановлению с 16.03.2020 и до особого указания в учреждениях территориальных органов и следственных изоляторах ФСИН РФ было приостановлено предоставление длительных и

краткосрочных свиданий (см. информационное сообщение на официальном сайте ФСИН РФ от 18.03.2020). Приказом Управления ФСИН России по городу Москве от 20 марта 2020 года №168, действовавшим во время анализируемых событий, в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции, в СИЗО города Москвы был введен режим особых условий, в соответствии с которым адвокаты вынуждены были общаться с подзащитными через стекло с помощью телефона.

Пунктом 12.1 отмеченного Приказа *«судебно-следственные действия»* с участием следователей и свидания с защитниками в помещениях следственных кабинетов разрешались в исключительных случаях при наличии средств индивидуальной защиты, но только *«по письменному заявлению прибывших лиц»*. Однако, как пояснил сам адвокат Л. в заседании Совета, он таких заявлений не подавал, что является еще одним подтверждением создания ему эксклюзивных условий посещения заявителей М., А. и К. в СИЗО. В свою очередь, создание таких условий было невозможно без использования адвокатом Л. личных связей с сотрудниками правоохранительных органов.

Совет разделяет вывод Квалификационной комиссии о том, что сведения, содержащиеся в справке начальника ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве от 05 октября 2021 года о датах посещения изолятора следователем Н. и адвокатом Л., во взаимосвязи с информацией, полученной об этих же обстоятельствах от заявителя А., представителей заявителей М. и К. – адвоката Т. и П., а также от самого адвоката Л., полностью подтверждают доводы заявителей о безусловной связи между посещениями их адвокатом Л. и содействии этим посещениям со стороны следователя Н. Дополнительным доказательством этого содействия является полное совпадение дат посещения адвокатом Л. заявителей М., А. и К. с датами посещения этих же лиц следователем Н.

В ситуации с заявителем К. также установлено, что 09 декабря 2020 года требование на его вывод для адвоката Л. выписывал следователь Н., который в указанный день одновременно посещал и обвиняемого А.

Кроме того, сам адвокат Л. в пояснениях Квалификационной комиссии 06 октября 2021 года не отрицал, что следователь Н. оказывал ему помощь в посещении обвиняемых М., А. и К. в условиях ограничительных карантинных мер.

Неоднократное посещение адвокатом Л. в сопровождении следователя Н. обвиняемых М. и А. в СИЗО и непроведение с ними каких-либо следственных и процессуальных действий в указанные даты, безусловно, являлось демонстрацией наличия у адвоката Л. возможности *«по решению их проблем»*, что во взаимосвязи с иными вышеуказанными обстоятельствами и с учётом того, что у М., А. и К. уже были адвокаты – защитники по соглашению, создавало у заявителей обоснованное представление об исходящих от адвоката Л. гарантиях позитивного для них результата, в частности, изменения меры пресечения и освобождения из-под стражи.

Совет отклоняет как явно несостоятельный и прямо противоречащий закону (ст. 49 УПК РФ) довод адвоката Л. о невозможности посещения М., А., К. и Ле. без разрешения следователя.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признаёт опровергнутой презумпцию добросовестности адвоката Л. в этой части дисциплинарных обвинений, а его умышленную вину в совершении описанных выше нарушений признаёт установленной.

Переходя к оценке дисциплинарного обвинения в бездействии адвоката Л., выразившемся в неоказании юридической помощи обвиняемому Ле. вопреки принятым на себя обязательствам, Совет отмечает следующее.

Согласно Приложению № 2 к Соглашению об оказании юридической помощи от 01 ноября 2020 года № ..., адвокат Л. обязался осуществить защиту *«прав и законных интересов в рамках уголовного дела на стадии предварительного расследования и судебного производства»* М., А., К. и Ле. Как следует из жалобы заявителя Ч., заключившей указанное Соглашение, ее претензии к адвокату Л. о невыполнении принятых на себя обязательств касаются всех четырех указанных лиц, являвшихся обвиняемыми по одному уголовному делу.

Утверждения адвоката Л. о том, что он не посещал Ле. в СИЗО по причине отказа следователя в выдаче ему разрешения на встречу именно с этим обвиняемым, а также из-за отсутствия соответствующей просьбы со стороны доверителя Ч., Совет отклоняет как явно надуманные. Как указано выше, это утверждение прямо противоречит закону, поскольку в силу ч. 4¹ ст. 49 УПК РФ в случае необходимости получения согласия подозреваемого, обвиняемого на участие адвоката в уголовном деле перед вступлением в уголовное дело адвокату предоставляется свидание по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. Какого-либо разрешения следователя для реализации адвокатом вышеуказанных полномочий законодательство не предусматривает. Кроме того, заявитель Ч. категорически отрицает факт каких-либо указаний с ее стороны адвокату Л. не посещать Ле., а сам факт принятия поручения о защите Ле. обязывал адвоката Л. посетить его в кратчайший срок без каких-либо дополнительных инструкций со стороны Ч.

Вопреки мнению адвоката Л., отсутствие жалобы со стороны Ле. не препятствует дисциплинарной оценке его (адвоката Л.) бездействия, поскольку такое дисциплинарное обвинение содержится в жалобе Ч., заключившей соглашение в пользу Ле.

При таких обстоятельствах Совет признаёт установленным неисполнение адвокатом Л., вопреки взаимосвязанным положениям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«адвокат обязан...разумно, добросовестно, квалифицированно и своевременно исполнять свои профессиональные обязанности»*), а также ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«участвуя в судопроизводстве...адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства»*), профессиональных обязанностей перед

доверителем Ч., выразившееся в самоустранении адвоката Л. от предусмотренных ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ действий по выяснению волеизъявления содержащегося под стражей обвиняемого Ле. в части наличия согласия последнего на участие адвоката Л. в уголовном деле № ... в качестве защитника Ле. в связи с заключенным с адвокатом Л. третьим лицом (Ч.) Соглашением № ... от 01 ноября 2020 года об оказании, в том числе Ле. юридической помощи в период действия данного соглашения с 01 ноября 2020 года по 27 января 2021 года.

Совет также соглашается с выводом Квалификационной комиссии о нарушении адвокатом Л. взаимосвязанных положений пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката путем включения в п. 1 Приложения № 1 к Соглашению об оказании юридической помощи № ... от 01 ноября 2020 года, заключенному с Ч., обещания положительного результата выполнения поручения, а именно - в принятии адвокатом Л. обязательства по обжалованию *«в апелляционной инстанции избранной в отношении Подзащитного меры пресечения в виде заключения под стражу, с целью изменения меры пресечения на домашний арест»*.

Такая формулировка обязательства адвокатом Л. в соглашении с доверителем допускает его неоднозначное понимание, что само по себе недопустимо.

При этом заявитель Ч. и ее представитель – Г. в ходе дисциплинарного разбирательства последовательно поясняют, что единственной причиной заключения с адвокатом Л. соглашения об оказании юридической помощи явились данные им гарантии освобождения обвиняемых из-под стражи в случае его вступления в уголовное дело в качестве их защитника. Именно этим, по словам заявителя Ч., была обусловлена и сумма авансового вознаграждения адвоката Л. в общем размере 2 260 000 евро. По делу уже работала целая команда адвокатов, защищавших всех четверых обвиняемых. Поэтому вступление адвоката Л. как защитника всех обвиняемых было необходимо только для реализации тех гарантий, которые он дал в обмен на заключение с ним соглашения и выплату ему гонорара в указанном размере. Совет не находит оснований не доверять приведенным пояснениям заявителя, соответствующим обстоятельствам дела и содержанию жалоб иных заявителей.

При таких обстоятельствах факт выделения адвокатом Л. в соглашении цели изменения меры пресечения в виде заключения под стражу на домашний арест в качестве самостоятельного поручения, во взаимосвязи с размером полученного им за выполнение данного поручения вознаграждения в размере 2 260 000 евро, рассматривается Советом как нарушение взаимосвязанных положений, предусмотренных пп. 1 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Довод адвоката Л. о том, что Квалификационная комиссия в данной

части вышла за пределы жалобы заявителя Ч., поскольку в ней якобы не содержится дисциплинарного обвинения во включении в пункт 1 Приложения №1 к Соглашению об оказании юридической помощи цели изменения меры пресечения, Совет отклоняет как несостоятельный, поскольку именно на указанное Приложение заявитель Ч., в числе прочего, сослалась в своей жалобе, обосновывая дисциплинарное обвинение в том, что *«адвокатская деятельность, осуществляемая адвокатом Л. содержит признаки грубого нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре»*. Заявитель Ч. представила это Приложение в материалы дисциплинарного производства вместе с иными документами, о чём указано на с.с.3-4, 5 Заключения Квалификационной комиссии.

Совет также отклоняет довод адвоката Л. о том, что дисциплинарное производство подлежит прекращению ввиду истечения подлежащего применению в данном случае шестимесячного срока, предусмотренного абз. 1 п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката в прежней редакции. Как верно отмечает сам адвокат Л., указанное им положение Кодекса профессиональной этики адвоката утратило силу 15 апреля 2021 года, и по этой причине оно не может применяться к жалобе, поступившей в Адвокатскую палату города Москвы 30.06.2021. Адвокату Л. следует знать, что в отличие от норм материального права, смягчающих ответственность, которые применяются с обратной силой, процессуальные нормы подлежат применению в том виде, в котором они действуют во время рассмотрения конкретного дела (см., например, ст. 9 УПК РФ, ст.1 ГПК РФ).

Вместе с тем, Совет разделяет вывод Квалификационной комиссии о необоснованности дисциплинарного обвинения в невозврате адвокатом Л. доверенности, *«срок действия которой не истек»*, и непредставлении им *«отчета с приложением оправдательных документов, если это требуется по условиям договора или характеру поручения»*. Каких-либо сведений о передаче заявителем Ч. адвокату Л. доверенности, равно как и о том, что заявителем Ч. запрашивался отчет адвоката Л., материалы дисциплинарного производства не содержат. В Соглашении об оказании юридической помощи от 01 ноября 2020 года № ... также не содержится обязательств адвоката Л. по предоставлению доверителю отчета о проделанной работе.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о прекращении в этой части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката Л. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Дополнительные пояснения заявителя Ч. от 09 ноября 2021 года о том, что она была привлечена адвокатом Л. в качестве доверителя путем обмана, так как тот обманчивым путем вынудил ее заключить с ним Соглашение об оказании юридической помощи от 01 ноября 2020 года № ... на кабальных условиях, не могут являться предметом оценки в настоящем дисциплинарном производстве, поскольку такое дисциплинарное обвинение не содержится в жалобе заявителя Ч. от 25 мая 20201 года, явившейся поводом для возбуждения настоящего дисциплинарного производства.

Наряду с этим Совет приходит к выводу об обоснованности довода адвоката Л. в его «Возражении» от 18.03.2022 о том, что Квалификационная комиссия вышла за пределы жалобы заявителя Ч., в которой не содержится дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Л. под надуманным предлогом не позднее 27 января 2021 года убедил её в необходимости подписания «Акта приема-передачи *«оказанных услуг»* к Соглашению об оказании юридической помощи № ... от 01 ноября 2020 года» без указания в нем даты, в котором изложил заведомо ложные сведения об оказании им (адвокатом Л.) *«надлежащим образом»* юридической помощи *«в виде осуществления представительских полномочий, защиты прав и законных интересов Подзащитных в рамках уголовного дела на сумму 2 260 000 (два миллиона двести шестьдесят тысяч) условных единиц (евро) по курсу ЦБ РФ в рублях»*.

Совет признаёт, что подобные действия адвоката, при наличии допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства и при условии их доказанности, действительно могут быть квалифицированы как направленные к подрыву доверия и свидетельствующие о злоупотреблении доверием. Вместе с тем, руководствуясь п. 4. ст. 23 и п. 4 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, запрещающими Квалификационной комиссии и Совету выходить за пределы жалобы, Совет полагает необходимым исключить дисциплинарное обвинение адвоката Л. в нарушении положений п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката и прекратить дисциплинарное производство в данной части вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Л. за совершённые нарушения, Совет принимает во внимание, что они являются умышленными и злостными, противоречащими высокому призванию адвоката и фундаментальным требованиям к адвокатской деятельности. Учитывая совокупность указанных обстоятельств, Совет приходит к выводу о несовместимости профессионального поведения адвоката Л. с принадлежностью к адвокатскому сообществу и, следовательно, о необходимости применения к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет считает, что более мягкая мера дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката не только не отвечала бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, но и давала бы основание полагать, что адвокатское сообщество считает подобное профессиональное поведение адвоката допустимым.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при: 1) неисполнении

или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем; 2) нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката; 3) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Л. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учётом как тяжести нарушений, так и всей совокупности установленных обстоятельств, включая стаж адвокатской деятельности Л. и его прежние профессиональные заслуги, считает необходимым установить этот срок в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п.п. 1, 4, 7, пп. 3 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 и 8 п. 1, п 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Применить к адвокату Л. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

- нарушение взаимосвязанных положений пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (*«адвокат обязан соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятые в пределах их компетенции»*) и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«участвуя в судопроизводстве...адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства»*), выразившееся во вступлении адвоката Л. в уголовное дело № ... в качестве защитника М., А. и К. в нарушение ч. 1 ст. 50 УПК РФ, устанавливающей, что защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого, и в нарушение п. 5 Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 июня 2019 года № 12 по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», устанавливающего, что адвокат, заключивший соглашение об оказании юридической помощи – защите по уголовному делу – в пользу третьего лица, перед началом оказания юридической помощи обязан получить согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь;

- нарушение положений пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей с использованием личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными методами»*), выразившееся в

навязывании заявителям М., А. и К. своей помощи, через демонстрацию своих личных связей со следователем, оказывавшим адвокату Л. очевидное содействие в организации его встреч с обвиняемыми М., А. и К. в следственных кабинетах следственного изолятора, тогда как в ноябре-декабре 2020 года, с учетом пандемических карантинных ограничений, возможность адвоката встретиться с находящимися под стражей доверителями имелась исключительно в помещениях для краткосрочных свиданий, через стекло и при помощи телефонной трубки;

- неисполнение, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«адвокат обязан...разумно, добросовестно, квалифицированно и своевременно исполнять свои профессиональные обязанности»*), а также ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (*«участвуя в судопроизводстве...адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства»*) профессиональных обязанностей перед доверителем Ч., выразившееся в самоустранении от предусмотренных ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ действий по выяснению волеизъявления содержащегося под стражей обвиняемого Ле. в части наличия согласия последнего на участие адвоката Л. в уголовном деле № ... в качестве защитника Ле. в связи с заключенным с адвокатом Л. третьим лицом (Ч.) Соглашением № ... от 01 ноября 2020 года об оказании, в том числе Л. юридической помощи в период действия данного соглашения с 01 ноября 2020 года по 27 января 2021 года;

- ненадлежащее, вопреки предписаниям взаимосвязанных положений пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Ч., выразившееся во включении в п. 1 Приложения № 1 к Соглашению об оказании юридической помощи № ... от 01 ноября 2020 года с Ч. самостоятельного обязательства обжаловать *«в апелляционной инстанции избранной в отношении Подзащитного меры пресечения в виде заключения под стражу, с целью изменения меры пресечения на домашний арест»*, допускающего его неоднозначное понимание доверителем и направленное на формирование у доверителя понимания о наличии со стороны адвоката обещания положительного результата выполнения поручения в указанной части.

Установить срок, по истечении которого Л. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 3 (три) года.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Л. по жалобе Ч. от 25 мая 2021 года (вх. № ... от 30.06.2021):

в части подписания адвокатом Л. с заявителем Ч. под надуманным предлогом не позднее 27 января 2021 года «Акта приема-передачи *«оказанных услуг»* к Соглашению об оказании юридической помощи № ... от 01 ноября 2020 года» без указания в нем даты, в котором были изложены заведомо

ложные сведения об оказании им (адвокатом Л.) «надлежащим образом» юридической помощи «в виде осуществления представительских полномочий, защиты прав и законных интересов Подзащитных в рамках уголовного дела на сумму 2 260 000 (два миллиона двести шестьдесят тысяч) условных единиц (евро) по курсу ЦБ РФ в рублях», - вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части - вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Л. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков